

УСТАВ ЕВФРОСИНА ПСКОВСКОГО: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ*

Монастырский Устав Евфросина Псковского, основателя Елеазаровой обители, имеет особое значение для истории древнерусских иноческих уставов, являясь старшим из них. Согласно преданию, уже Феодосий Печерский дал устав основанному им монастырю, но сведения об этом мы находим только в Житии преп. Феодосия, не имея никаких следов текста этого устава, так что остается неизвестным, что скрывается за этим упоминанием: письменный устав или закреплённые в монастырской традиции правила иноческой жизни. Именно так, через монастырское предание, первоначально передавались те правила, которые ввел в своем монастыре Кирилл Белозерский. Первые достоверно зафиксированные правила, согласно которым должны жить иноки в монастыре, относятся к Псковской земле и принадлежат не настоятелям обителей, а архиереям, в обязанности которых входило устройство и управление церковной жизнью. Монастырские правила были изложены в виде уставных грамот, посланных в Снеготорский монастырь сначала митрополитом Дионисием в 1382 году, а затем в 1418 году митрополитом Фотием. Долгое время грамоты, данные Снеготорскому монастырю, занимали исключительное место, поскольку ни одна другая обитель не пользовалась таким вниманием со стороны митрополита. Возможно, это было связано с тем, что Псковские земли в целом играли особую роль в истории церковного управления последней трети XIV—XV веков. Именно оттуда происходит древнейший список «Власфимии» — сборника против симонии; там началось движение, известное как «ересь стригольников», беспокоившее не только русских иерархов, но и Константинопольского патриарха. Именно Псков удостоился целой серии пастырских посланий со стороны митрополитов Киприана и Фотия. В XV веке псковичи противопоставили себя новгородскому владыке, запретив служить вдовым попам и пытаясь добиться учреждения у себя особой епархии; с этими процессами, очевидно, связано создание специально для Пскова особой Кормчей книги.¹

Все это, как нам представляется, делает закономерным появление иноческого устава именно в Псковских землях. В иных обителях монастырская жизнь обеспечивалась церковным уставом; в конце XIV—XV веках на Руси на смену Студийскому уставу окончательно пришел общежительный Иерусалимский устав; оба содержали как дисциплинарную, так и богослужебную часть, позволяя организовать жизнь в монастыре. Кроме того, с XV века на Руси распространение получил Скитский устав, предназначенный для малых и особожительных оби-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-512-18006 Болг. а по теме «Миграция текстов в культурном пространстве Slavia Orthodoxa».

¹ Подробнее см.: Корогодина М. В. 1) Церковное управление в Пскове и канонические сборники XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV—XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. трудов Международной научной конференции 19—21 мая 2010 г. Псков, 2011. С. 255—273; 2) Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. 1: Исследование. С. 245—262.

телей.² Эти уставы регламентировали монастырскую жизнь и богослужение, позволяя функционировать многим обителям без дополнительных постановлений. В то же время одновременное распространение Иерусалимского и Скитского уставов, предназначенных для монастырей, устроенных по диаметрально противоположным принципам, говорит о значительном различии во внутренней жизни обителей, что, очевидно, и влекло за собой стремление игумена изложить собственные правила монастырской жизни, отражающие его взгляды на монашество. Это привело к созданию в конце XV—XVI веках целого ряда древнерусских иноческих уставов, первым из них стал Устав Евфросина Псковского. Подобные авторские уставы носили почти исключительно дисциплинарный характер, дополняя, но не заменяя богослужебные уставы, подобные Иерусалимскому или Студийскому.

Елеазарова пустынь, созданная в середине XV века, быстро пополнилась книгами благодаря своему основателю старцу Евфросину, а в XVI веке стала крупным книжным центром. Сохранившаяся опись монастырской библиотеки, относящаяся к 1580-м годам, демонстрирует разнообразие четких книг.³ Среди них присутствуют и сочинения Максима Исповедника, переписанные старцем Евфросином. С книгописной деятельностью в Елеазаровой обители Т. В. Черторицкая и А. Г. Бобров предположительно связывают формирование необычного по составу сборника «Златая матица», сохранившегося в псковской рукописи 1470-х годов, находившейся в XVI столетии в Елеазаровом монастыре (РНБ. НСРК. Ф. 312).⁴ К тому же времени относится список сочинений Исаака Сирина и других святых отцов, подготовленный иноком Игнатием по повелению старца Евфросина (РГБ. Ф. 228 (Собр. Д. В. Пискарева). № 59). В описи 1580-х годов сохранились сведения о нескольких пергаментных рукописях, которые, возможно, также относятся к первоначальному книжному собранию обители.⁵

Устав Елеазаровой пустыни был подробно рассмотрен Н. И. Серебрянским.⁶ Несомненной заслугой ученого было то, что ему удалось выявить значительную часть источников Устава Евфросина Псковского, среди которых особое место занимают тексты, тесно связанные с Псковской землей; прежде всего — уставная грамота, данная Снетогорскому монастырю архиеп. Суздальским Дионисием, и послание в тот же монастырь митр. Фотия.⁷ Труд Серебрянского, за короткий срок собравшего большой материал по истории Псковской земли и сопоставившего его с разными памятниками древнерусской книжности, тем не менее, имеет некоторые недостатки. Наряду с древнерусскими рукописями, ученый широко привлекал современные ему переводы средневековых текстов, что в настоящее время заставляет исследователей вновь обращаться к вопросу об источниках псковских книжников, чтобы определить редакции и конкретные списки, которыми пользовался Евфросин. Еще одной нерешенной проблемой остается вопрос о редакциях самого устава. Серебрянский опубликовал его по списку ГИМ (Синодальное собр. № 634); повторно устав был подготовлен к изданию еп. Амвросием по рукописи РНБ (Со-

² Подробнее см.: *Белякова Е. В.* 1) Славянская редакция Скитского устава // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. М., 2002. Вып. 4 (10). С. 28—36; 2) Устав по рукописи РНБ. Пог. 876 // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. М., 2003. Вып. 1 (11). С. 63—95.

³ *Французова Е. Б.* Материалы для реконструкции книжных собраний двух центров письменности Псковской земли XVI века // *Археографический ежегодник за 2003 г.* М., 2004. С. 336—343.

⁴ *Бобров А. Г., Черторицкая Т. В.* К проблеме Златой матицы // *ТОДРЛ*. 1990. Т. 43. С. 341—358.

⁵ *Французова Е. Б.* Материалы для реконструкции книжных собраний... С. 341—343.

⁶ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества. М., 1908. С. 259—292. Текст Устава см.: Там же. С. 508—526.

⁷ Там же. С. 272—274. См. издание грамоты архиеп. Дионисия: *Русская историческая библиотека*. СПб., 1880. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI—XV вв. Стб. 205—210 (№ 24); послания митр. Фотия: Там же. Стб. 392—400 (№ 46).

фийское собр. № 1405. 1560-е годы; текст издан со значительными лакунами).⁸ Рукописная традиция XVI—XVII веков,⁹ оставшаяся за пределами исследований ученых, делает необходимым в дальнейшем текстологическое изучение Устава, который позволит решить вопрос о его первоначальном тексте.

Наибольшее значение в изучении первого русского дисциплинарного монастырского устава имеет исследование его источников. Это особенно важно, если учесть, что ранних списков Жития Евфросина Псковского или «Повести о сугубой аллилуйе» (рассказывающей о спорах, охвативших Псков) не сохранилось.¹⁰ По этой причине любые свидетельства, в том числе косвенные, имеют существенное значение. Как уже было сказано, значительную часть источников Устава обрисовал Серебрянский, и его наблюдения показывают, что основные источники Евфросина (такие, как уставная грамота Снетогорскому монастырю или послание митрополита Фотия) имеют псковское происхождение и датируются первой половиной XV века.

Однако это не единственные источники Устава, тесно связанные с псковской землей. Еще одним источником, оставшимся неизвестным Серебрянскому, стал Трифоновский сборник — рукопись рубежа XIV—XV веков, получившая известность благодаря входящей в нее необычной канонической компиляции, «Власфимии».¹¹ Язык Трифоновского сборника был исследован Н. М. Каринским, доказавшим псковское происхождение рукописи.¹² Создание не только конкретного списка, но и текста «Власфимии» связывается исследователями с Псковом.¹³ Именно эта псковская рукопись была использована Евфросином в главе «О обидящих церкви и монастыри», куда было полностью переписано апокрифическое «Правило 165 святых отцов пятого вселенского собора на обидящих святыи церкви».¹⁴ Этот текст, сурово порицающий властителей, дерзающих наносить обиды клирикам или монастырям и отбирающих у церкви земли или иное имущество, стал популярным с конца XIV века и переписывался в разных сборниках устойчивого и смешанного состава. На Трифоновский сборник как на непосредственный источник выписки указывает номер главы, упомянутый Евфросином Псковским: «святии отци пятого святого събора вселенскаго правило положиша, глава 58».¹⁵ Несмотря на распространенность апокрифического правила Пятого вселенского собора, 58-ю главу оно составляет только во «Власфимии»;¹⁶ источник выписки подтверждается и наблю-

⁸ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 508—528; *Амеросий (Орнатский), еп.* Древнерусские иноческие уставы. М., 2001. С. 38—57.

⁹ Ряд списков был назван Н. И. Серебрянским в его исследовании; однако ему не была известна рукопись РНБ (Софийское собр. № 1405). К тому же времени, 1560-м годам, относится фрагмент устава в сборнике-конволюте РНБ (Ф. 588 (Собр. М. П. Погодина). № 830. Л. 126—127 об.). Более поздним временем, рубежом XVI—XVII веков датируется список устава в рукописи БАН (Арх. Д. 145. Л. 458—490 об.).

¹⁰ Новейшее исследование Жития Евфросина и «Повести о сугубой аллилуйе» выполнено В. И. Охотниковой: *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв. Исследования и тексты: В 2 т. СПб., 2007. Т. 2: Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. С. 5—327.

¹¹ *Корогодина М. В.* Палеографические и кодикологические особенности Трифоновского сборника рубежа XIV—XV веков // Историк и источник. Сб. статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 74—91.

¹² *Каринский Н. М.* Язык Пскова и его области. СПб., 1909. С. 129—130.

¹³ Обзор исследований, посвященных «Власфимии», см.: *Алексеев А. И.* Каноническая компиляция «Власфимия» в древнерусской книжности // Религии мира: История и современность / Отв. ред. Е. В. Белякова, А. В. Назаренко. М.; СПб., 2012. С. 90—124.

¹⁴ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 523—524 (фрагмент: «великаго сего нашего града и съ пресвятыми твоими архиепископы <...> да будут прокляты в сеи век и в будущи»). Серебрянский отметил, что текст главы состоит из апокрифического правила Пятого вселенского собора, но не назвал источник выписки (см.: Там же. С. 276).

¹⁵ Там же. С. 523.

¹⁶ РНБ. Софийское собр. № 1262. Л. 108—108 об.

дениями над разночтениями. В XV веке Трифоновский сборник был вложен в новгородский Троицкий Видогощский монастырь в память об утонувшем схимнике Трифоне, «начальнике месту сему» (вероятно, возглавлявшем Видогощский монастырь).¹⁷ Возможно, Евфросин-Елеазар видел рукопись еще до того, как она покинула псковские земли и была вложена в Видогощский монастырь.

Уже Серебрянский обратил внимание на разнообразие источников Евфросина, которому были доступны самые разные книги; дальнейшее исследование позволяет в еще большей степени расширить этот круг. Подобно составителю «Власфимии», Евфросин привлекал разные редакции Кормчей книги. Правило 18 Гангрского собора было выписано преподобным из Сербской или Первоначальной русской редакций Кормчей.¹⁸ Кроме того, Евфросин включил в устав правило 47 Шестого вселенского собора; текст его существенно отличается от перевода Сербской или Первоначальной русской редакций Кормчей и ближе всего к Древнеславянской редакции.¹⁹ Однако некоторые признаки указывают, что в составе Устава Евфросина Псковского находится самостоятельный перевод с греческого языка правила (подчеркиваниями выделены слова, не находящие соответствия в иных славянских переводах и указывающие на использование греческого оригинала): «Святїи отци написаша на 6-мъ съборѣ канонъ 47: ни в мужеском монастыри жена, ни в женском муж да сѣдитъ, вся бо причтения и съблзнь внѣ буди вѣрных, но еже благообразно и угодно Господеву и себе благо исправити житие; аще ли кто не сїце содѣет или клирикъ или простецъ, да отлучится». ²⁰ Греческий текст правила: «Μήτε ἐν ἀνδρείῳ μοναστηρίῳ γυνή, μήτε ἐν γυναικείῳ μοναστηρίῳ ἀνὴρ καθευδέτω παντὸς γὰρ προσκόμματος καὶ σκανδάλου ἕξω εἶναι δεῖ τοὺς πιστοὺς καὶ πρὸς τὸ εὐσχημον καὶ εὐπρόσεδρον τῷ κυρίῳ τὸν ἑαυτῶν εὐθετίειν βίον· εἰ δέ τις τοῦτο πράξῃ, εἴτε κληρικὸς εἴη εἴτε λαϊκός, ἀφορίζεσθω». ²¹ Очевидно, переводчик перепутал слово καθεύδω (спать) и καθέζομαι (сидеться), что повлекло за собой неверный перевод; такие ошибки наиболее убедительно показывают независимость перевода от иных славянских версий правила, в которых подобные оплошности отсутствуют. Более буквально, чем это сделано в древнеболгарском переводе, передано синтаксическое строение фразы «благообразно и угодно Господеву и себе благо исправити житие». Наконец, во всех предшествующих переводах были пропущены слова «или клирикъ или простецъ»; в приведенном Евфросином правиле они могли появиться только при независимом обращении к греческому оригиналу.

Был ли этот перевод выписан Евфросином Псковским из одного из сборников, или подготовлен им самим — на этот вопрос в настоящее время невозможно ответить. В «Повести о сугубой аллилуйи» рассказывается о путешествии Евфросина в Константинополь в поисках ответа на интересующие его вопросы; возможно, именно там будущий основатель Трехсвятительского монастыря познакомился с греческим списком церковных правил.

¹⁷ Там же. Л. 1. Первое упоминание о Видогощском монастыре относится к 1415 году, когда в обители была поставлена каменная Троицкая церковь. См.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем). СПб., 1897. Ч. 3: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. С. 186. № 2127.

¹⁸ Фрагмент: «Иже в Гангре събора правило 18 (...) анафема да есть» (*Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 526). Ср. Рязанский список Сербской редакции Кормчей (РНБ. Ф.п.П.1. Л. 70 б — 70 в. (1284 год) и Новгородский Синодальный список Первоначальной русской редакции Кормчей (ГИМ. Синодальное собр. № 132. Л. 84 в — 84 г (1280—1282 годы)). В Древнеславянской редакции Кормчей правило имеет номер 19 и находится в другом переводе, см.: *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1. С. 248.

¹⁹ Ср.: РНБ. Ф.п.П.1. Л. 154 а; ГИМ. Синодальное собр. № 132. Л. 211 г; *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. С. 176—177.

²⁰ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 518.

²¹ *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. С. 176—177.

Неизвестными Н. И. Серебрянскому остались и источники главы «О серебре и злате», строжайше запрещающей инокам держать в кельях золото или серебро. Между тем, источники этой главы можно найти среди аскетических и монастырских книг. Глава открывается выпиской из епитимийного правила, повелевающего сжигать на голове инока имущество, запрещенное в монастыре.²² Суровое постановление восходит к византийскому законодательству; в древнерусской традиции оно, в значительно модифицированном виде, входило в епитимийное «Правило о черноризцах», старший список которого находится в Новгородской Синодальной Кормчей 1280—1282 годов.²³ Этот епитимийник получил значительное распространение на Руси;²⁴ очевидно, один из сборников с «Правилом черноризцам» был известен Евфросину Псковскому.

Вслед за епитимийником, стремясь проиллюстрировать запрет, Евфросин написал два патериковых рассказа. Источник одного из них — Римский патерик — указан Серебрянским. Источник второго рассказа, открывающегося словами «въ старчестве пишетъ», не был разыскан. Это повесть, выписанная Евфросином из Скитского патерика, рассказывает об иноке, прятавшем в келье золото. После представления инока золото было похоронено вместе с ним; еще много дней насельники монастыря наблюдали над гробом новопреставленного языки адского пламени, пожирающие утаенное золото вместе с неправедным хозяином.²⁵ Таким образом, две патериковые повести были соединены Евфросином, чтобы проиллюстрировать епитимийный запрет.

Наконец, еще один источник, имевший существенное значение при подготовке монастырского Устава Евфросином Псковским, — церковный Иерусалимский устав. Серебрянский отвергал даже возможность использования Евфросином церковного устава, не находя в древнерусском тексте непосредственных заимствований из устава Саввы Освященного. Вероятно, исследователя смутили внешние различия между церковными уставами, весьма объемными и имеющими как богослужебную, так и дисциплинарную часть, и монастырским уставом псковского подвижника, а также отсутствие упоминаний церковных уставов в сочинении Евфросина; это привело ученого к заключению, что «они (церковные уставы. — М. К.) не были известны преподобному».²⁶ Однако это не более, чем досадная оплошность исследователя, приложившего немало трудов, чтобы выявить источники столь сложного и богатого по составу сочинения.

Иерусалимский устав, повсеместно принятый во второй половине XV века в восточнославянских землях, был единственной книгой, которая могла регламентировать богослужение в обители, подобной Трехсвятительскому Елеазарову монастырю. Начальные обители, фактически являвшиеся скитами, могли довольствоваться Скитским уставом; однако к середине XV века в Елеазаровом монастыре число насельников уже так разрослось, что необходимо было регламентировать и общие службы, и деятельность братии в обители. В целом такую регламентацию предлагал церковный Иерусалимский устав, без которого невозможно было устроить жизнь в общежительном монастыре. Несомненно, некоторые постановления

²² *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 512 (фрагмент: «Аще обрящут въ келии у котораго инока <...> да сжгут ему на главе его»).

²³ ГИМ. Синодальное собр. № 132. Л. 548 г.

²⁴ *Смирнов С. И.* Материалы для изучения древнерусской покаянной дисциплины: Тексты и заметки. М., 1912. С. 36—37 (№ 3а, статья 46), 38 (№ 3б, статья 4).

²⁵ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 512 (фрагмент: «иже близ некоего монастыря брат наедине живый преставися <...> и по мнози дни видеша огонь горящ над гробом его»). Текст Скитского патерика опубл.: *Veder W.* Скитский патерик: Славянский перевод в принятом тексте и в реконструкции глаголического архетипа. Amsterdam, 2012. Р. 63—64, № 1:68, 3—8 (Pegasus Oost-Europese Studies; Vol. 14).

²⁶ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 271.

Иерусалимского устава далеко отстояли от реалий жизни в псковской (как и в других русских) обители. Можно полагать, что неприменимость отдельных постановлений и невозможность решить насущные вопросы с помощью Иерусалимского устава заставляла некоторых подвижников, в том числе Евфросина, готовить собственные уставы для основанных ими обителей. Именно потребность в решении специфических вопросов, наиболее остро встававших перед насельниками монастыря, заставила Евфросина написать собственный «устав», а не отсутствие Иерусалимского устава в обители. Трудно представить себе, что, потрудившись разыскать такое количество аскетических памятников, чтобы включить их мудрость в собственное сочинение, Евфросин остался в неведении о существовании повсеместно распространенного Иерусалимского устава.

Труд Евфросина Псковского включает в себя несколько выписок из Иерусалимского устава, как мелких, так и более значительных. Основная часть церковного Иерусалимского устава, известного в разных редакциях, разделена на главы, из которых примерно половина посвящена богослужению. Дисциплинарная часть открывается главой «О житии общежительнаго пребывания»,²⁷ в которой даются важнейшие указания настоятелю о строении монастырской жизни. Теми же словами открывается и наставление начальнику обители Евфросина Псковского: «устав свои положивъ о житии и о пребывании».²⁸

Значительная выписка из Иерусалимского устава находится в главах «О службах братии» и «О наемном деле» устава Евфросина Псковского. Выписка охватывает две главы Иерусалимского Устава; Евфросин выписал подряд конец одной главы и начало следующей, превратив заголовок Иерусалимского устава в часть текста и добавив взамен собственный заголовок: «опаство же много предано бысть намъ о семъ от святых отецъ, яко от праведных трудов и своего дѣлания дневную пищу и прочая нужная и потребная телеси Господь и Пречистая его Мати, яже о нас, устрои. О наемном дѣлѣ. Стяжание же чужих трудовъ вносити каково-либо отнюдь нѣсть на пользу намъ и паче же яко страстнии душею и немощнии приимати во обители, но яко ядъ смертоносенъ отбѣгати и отгоняти».²⁹

Та же глава Иерусалимского устава, надо полагать, навела Евфросина на мысль привести библейские цитаты: «паки рече Павел: аще кто не делает, да не ясть»³⁰ и «Господь глаголет: рабе ленивыи и лукавыи, почто съкрыл еси талантъ мой в земли...».³¹ При этом цитаты Евфросина полнее: они содержат указание на ап. Павла как на автора послания и приводят слова Спасителя без купюр. Это говорит о том, что, если Евфросин в данном случае пользовался Иерусалимским уставом, он не слепо следовал источнику, но исправлял и дополнял его неполноту.

О знакомстве Евфросина Псковского с Иерусалимским уставом говорит также рукопись третьей четверти XV века.³² В книге сохранилась запись, выполненная

²⁷ Устав в 44 главах, глава 27. См.: РНБ. Ф. 775 (Собр. А. А. Титова). № 1377. Л. 9 об.

²⁸ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 510.

²⁹ Там же. С. 516. Ср. Устав в 44 главах, главы 39—40: «опаство же много предано бысть намъ от святых отецъ, яко да от праведных трудовъ и своего дѣлания пищу и прочая нужная потребная телеси Господь и Пречистая его Мати, яже о нас, управити. О стяжании чужих трудовъ вносити каково-либо отнюдь нѣсть на пользу намъ и паче же убо яко страстнии душею немощнии приимати въ обители, нъ яко ядъ смертоносенъ и отгоняти» (РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1377. Л. 18 об.).

³⁰ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 516. Ср. Устав в 44 главах, глава 39: «по апостольскому слову: не дѣлаи бо, рече, да не ясть» (РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1377. Л. 18 об.).

³¹ *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С. 510. Ср. Устав в 44 главах, глава 39: «рече Господь: лукавыи рабе и лѣнныи и прочая...» (РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1377. Л. 18 об.).

³² РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1377. Филигрань: Голова быка с ноздрями под косым крестом, два вида, см.: Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart / Bearb. von Gerhard Piccard. Findb. 2: Die Ochsenkopfwasserzeichen. 1978. № 452—453 (1462—1470); *Луха-*

бисерным почерком чрезвычайно тонким пером в середине месяцеслова, после окончания октября: «Господина нашего старца Ефросина молитвами в конец достигохъ втораго месяца, и напреди подвизатися, Господи, помози ми его святыми молитвами». ³³ Запись однозначно свидетельствует о том, что кодекс был написан при жизни Евфросина и по его замыслу; ³⁴ кроме того, запись свидетельствует о почитании старца как подвижника уже при его жизни. Рукопись представляет собой Иерусалимский устав в 44 главах; начало ее и некоторые листы в середине утрачены (сохранились главы 7—15, 25—44 устава). В ектеньи поминается «великий князь»; ³⁵ месяцеслов содержит памяти как русских, так и сербских и болгарских святых. ³⁶ Устав, очевидно, как после своего создания, так и на протяжении XVI столетия являлся востребованной в монастыре книгой, о чем говорят следы постоянного к нему обращения. На полях рукописи сохранились приписки с добавлением в месяцеслов ряда славянских святых; глоссы были выполнены после 1485 года, когда состоялось обретение мощей митрополита Алексея. ³⁷ Книга находилась в Елеазаровом монастыре до 1671 года, как о том свидетельствуют позднейшие записи. ³⁸ Датировка рукописи по водяным знакам не позволяет с уверенностью судить о том, находилась ли рукопись в руках Евфросина Псковского во время работы над монастырским уставом или была написана позднее; однако очевидно, что Иерусалимский устав был хорошо знаком преподобному.

Таким образом, проведенное исследование позволяет существенно расширить круг источников первого древнерусского монастырского устава, подготовленного Евфросином Псковским. Изучение рукописного Иерусалимского устава, написанного в Елеазаровом монастыре по благословию Евфросина, непреложно показы-

чев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. № 2639 (1450-е) и 4253 (1460-е).

³³ РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1377. Л. 47 об.

³⁴ Почерк рукописи отличается от почерка инок Елеазарова монастыря Игнатия, переписавшего в 1476—1477 годах Лествицу и оставившего пространную запись в рукописи РГБ (Ф. 228. № 59. Л. 449 об.). Эта запись особенно интересна тем, что содержит свидетельства очевидца о появлении кометы, с которой писец связывает поход вел. кн. Ивана Васильевича на Новгород: «В лѣто 6000-ное 985 списана бысть книга сия святыи Исакии Сирианинъ рукою многогрѣшнаго Игнатия инока, повелѣнием господина старца Ефросина по благословию игумена Харлампия обители святыхъ святителии Василиа Великаго и Григориа Богослова и Иоанна Златоустаго и преподобнаго отца Онуфрия, иже над Толвою рекою, въ области святыя Живоначалныя Троици въ Псковской. Того же лѣта бысть знамение на небеси, явися звѣзда хвостатая и хождяше не единымъ путем: овогда хвостомъ преже, а иногда хвостъ назади, тогда и месяць гибняше. Того ж лѣта князь великий Московский Иоанъ Васильевичъ ходилъ съ силою великою на великий Новѣградъ за ихъ непокорение и всю власть ихъ пусту учинилъ и людии бещисла иссѣсѣхъ, они жъ познавше свою вину, добиша челомъ, князь жъ великий съ великою побѣдою възвратися къ Москви. Тогда же и новгородци ездивше на Москву къ г(о)с(по)дарю и къ самодержцѣю князю великому и къ митрополиту Филиппу, поставиша собѣ архиепископа Феофила при князи Псковскомъ Феодоре Юрьевиче. Вы же, господие, коли пригодиться сиа книга почитати, и вы съ рассмотрениемъ чтите, да егда буду гдѣ описался, и вы собою направиайте (так!), аминь».

³⁵ РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1377. Л. 8 а.

³⁶ Там же. Л. 21—129 об. Месяцеслов. Памяти славянских святых и праздников: Параскева Тырновская (13 октября); Арсений Сербский (28 октября); преставление митрополита Петра (21 декабря); Савва Сербский (14 января); Феодосий Печерский (3 мая); перенесение перста Николая Чудотворца (9 мая); кн. Владимир (15 июля); кнн. Борис и Глеб (24 июля).

³⁷ РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1377: преставление митрополита Алексея (12 февраля; л. 97); Антоний Печерский (7 мая; л. 106); обретение мощей митрополита Алексея «новаго чудотворца» (20 мая; л. 109); обретение мощей Леонтия еп. Ростовского (23 мая; л. 109 об.). Возможно, глоссы выполнены писцом Устава, но позднее времени создания основного текста.

³⁸ См. владельческие скрепы: «Книга Устав Елизаровы пустыни изо Псковщины» (Там же. Л. 22—26; полуустав, XVI в. ?); «179 июня въ 22 день продана сия книга Устав из Елизарова монастыря в церковь Николы Чудотворца в Мытлодостецкой (?) погостъ при игуменѣ Матфеѣ да при казначее старце Пахомии, а денги платилъ за тотъ Уставъ два рубли с полтиною Федор и в пр(и)нос те денги въ Елизаровскую казну у казначая старца Пахомия того же числа написаны» (Там же. Л. 22—53; скоропись).

вает, что святой был хорошо знаком с его текстом и опирался на него. Это позволяет иначе оценить устав, подготовленный Евфросином. Очевидно, что он должен был не заменить или вытеснить собой Иерусалимский или Скитский устав. Это было бы невозможно, поскольку названные уставы были существенно пространнее и включали в себя такие богослужебные и дисциплинарные разделы, которые не могли быть замещены сочинением русского подвижника. Знакомство с церковным Иерусалимским уставом при подготовке собственного монастырского устава показывает, что Евфросин намеревался дополнить дисциплинарную часть Иерусалимского устава, оставив в неприкосновенности богослужебные разделы. Иноческая жизнь в XV столетии на Псковщине, в новосозданной обители, несомненно, имела особенности в сравнении с обиходом монастырей на православном Востоке, отразившимися в Иерусалимском уставе. Можно полагать, что устав Евфросина Псковского должен был приспособить церковные правила, отрегулировав их в соответствии с местными обычаями и представлениями самого основателя Трехсвятительской обители.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-47-59

© К. Н. Лемешев

ТЕОРИЯ ВЫМЫСЛА В «РИТОРИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА: ДВЕ РЕДАКЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В изучении «Краткого руководства к красноречию» 1748 года М. В. Ломоносова существенную роль играет выявление его источников. Важные результаты, достигнутые в последнее время в этой области,¹ убедительно показывают, что «Риторика» Ломоносова существовала в широком историко-литературном контексте и что контекст этот может быть определен в своих наиболее важных частях. Между тем ценным источником для понимания трактата являются его подготовительные и черновые редакции и варианты. К их числу относятся прежде всего: 1) «Краткое руководство к риторике» 1744 года; 2) собственноручная рукопись Ломоносова, по которой набирался текст «Краткого руководства к красноречию», и 3) корректура.² Именно в рукописи мы находим пример правки, которая имела ключевое значение для появления новой редакции важного теоретического фрагмента.

В начальных параграфах главы 8 части I «О изобретении» (§ 148—151) «Краткого руководства к красноречию» Ломоносов излагает основы теории художественного вымысла (*лат. fictio*). Художественный вымысел в искусстве понимается как «создание сюжетов и образов, не имеющих прямых соответствий в предшествующем искусстве и реальности», и при этом вымысел «не является произвольным фантазированием».³ Известное положение «Поэтики» Аристотеля: «задача поэта — говорить <...> о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по ве-

¹ Костин А. А., Николаев С. И. Неучтенный источник Риторике Ломоносова («Оратор без подготовки» М. Радау) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред. А. А. Костин, А. О. Демян. С. 41—53; Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // Slavica Revalensia. 2015. Vol. 2. С. 9—34.

² Сведения об этих источниках приведены в: Блок Г. П., Макеева В. Н. Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 805.

³ Хализев В. Е. Вымысел // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стб. 153.